

Книга одного из крупнейших современных византинистов, президента Австрийской академии наук, профессора Венского университета Герберта Хунгера, о византийской светской литературе на греческом «чистом» языке ожидалась с большим интересом. Этим исследованием, вышедшим в ряду справочников по византиноведению в рамках фундаментальных изданий по истории античности, как бы завершается «переиздание» «Истории византийской литературы» Карла Крumbaхера, выпущенной вторым изданием без малого сто лет назад. Входившие в монографию Крumbaхера разделы по социально-политической истории Византии (написан Х. Гельцером), богословской литературе (написан А. Эрхардом) и литературе на народном языке составили в наше время сюжеты отдельных книг Г. А. Острогорского и Г.-Г. Бека. Но два тома Г. Хунгера, как и эти книги, не могли стать простым дополнением и «исправлением» работы Крumbaхера. На них не мог не сказаться опыт современной гуманитарной науки. Особый интерес к рассматриваемому произведению диктуется и значительным удельным весом, по подсчетам Г.-Г. Бека и И. И. Шевченко, среди византийских литераторов именно светских авторов.

Предметное деление перечисленных выше монографий предписано традицией. Влияние компендиума К. Крumbaхера на последующее развитие византистики сказалося как в отождествлении понятия литературы с совокупностью написанного на данном языке, так и в жанрово-метрической дифференциации литературного наследия. Эти установленные «правила» и определили водораздел между темами Г. А. Острогорского, Г.-Г. Бека и Г. Хунгера, ограничили и предмет рецензируемого исследования. Соавторами Г. Хунгера в настоящем издании являются Христиан Ханник, написавший главу о музыкальной литературе, и Петер Пилер — автор главы по правовой литературе.

Формулируя свою задачу, автор сводит ее к составлению справочника в качестве *instrumentum studiorum*, к «Критической интерпретации» сохранившегося объема нецерковной византийской литературы на кафаревусе. В новом издании учтены многочисленные изменения и дополнения по сравнению с крumbaхеровским сводом. Анализируются новые публикации, появившиеся в нашем столетии, — от эпистолярного наследия Григория Кипрского до риторических сочинений Никифора Василяки. Учтены атрибуция известного Крumbaхеру «Синописа Сафы» Феодору Скутариоту и сомнения, высказанные относительно аутентичности и датировки Записок готского топарха и Иоанна Камениаты, реконструирована самим Г. Хунгером хроника Иоанна Хортасмена, дезатрибуирован «Лексикон

Зонары» (вторая редакция которого вслед за К. Алперсом приписывается Никифору Влеммиду); исчезли псевдоавторы, фигурировавшие у Крumbaхера, такие, как Свидя, Иоанн Сикелиот и др.

Обзор материала не ограничен изданными памятниками: активно привлекаются неопубликованные сочинения — речи Иоанна Цеца, Николая Музалона, Евстафия Солунского, Константина Манасси, Василия Педиадита, ритора Георгия Торника, Феодора Ласкаря, Никифора Хрисоверга, Григория Антиоха, Константина Стильва и многих других. Всего привлекаются данные более 300 кодексов, в том числе и из советских хранилищ (кстати, цитируемые рукописи московских собраний почему-то пропущены в указателе; ленинградские кодексы следовало бы указывать по новым каталогам Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой: под приводимыми в рецензируемом издании шифрами манускрипты в этих каталогах не значатся). Наконец, привлекаются не только известные науке материалы, но и определяются перспективы исследования тех или иных авторов, литературных жанров и направлений (например, необходимость создания корпуса эпиграмм).

Но важнее другое. Новому изданию присущ современный взгляд на предмет исследования, в его основе — современная проблематика византийского литературоведения. Это сказывается как в объеме, в тематике, так и в существе изложения, во взгляде автора.

Вероятно, своеобразная дань нашему времени — почти десятикратное увеличение (по сравнению с книгой Крumbaхера) объема, отведенного естественнонаучной литературе (математика, астрономия, естествознание, военная теория, право). Истории естествознания и техники уделяется сейчас большое внимание, что отразилось и на структуре данной книги. Из современных же представлений исходит автор, говоря о самодовлении филологической науки и «всевластии риторики», определяя их место в византийской культуре по контрасту к ходячим оценкам сегодняшнего дня.

Однако самое главное изменение по отношению к К. Крumbaхеру — иная ценностная шкала и другие точки отсчета. Родоначальник византиноведения исходил прежде всего из античных культурно-исторических критериев, близость античным формам определяла в его глазах значимость творений византийцев: византийская философия выглядела обедненным повторением Платона и Аристотеля, византийская риторика — формализованной в школьную повинность и выхолащенной, пусть и достигшей совершенства, второй софистикой, эпигоном и фантастическим преломлением характеризовалась византийская естественнонаучная литература, забвение античных высот музыкальной культуры отличало музыкальную теорию визан-

тийцев. Античные традиции, по Крумбахеру, доминировали в византийском историописании, причем значение хроник исчерпывалось донесением до нас в убогих компиляциях несохранившихся античных оригиналов. В соответствии с этим и точки отсчета находились не в самой византийской действительности, а в античном прошлом, и подобно тому, как основной литературной заслугой средневековых греков признавалось филологическое комментирование древних, вся византийская культура и литература представляла ученическим комментарием к шедеврам древности, не будучи связанным ни со своим временем, ни с движением вперед.

Напротив, византийская литература у Г. Хунгера и его соавторов тесно переплетена с особенностями византийской социальной жизни и ее изменениями. Этот важный принцип анализа последовательно проводится по всем разделам. Индивидуализация византийского общества обуславливает в антилизе категорий «частное» и «общее» (*ἰδιον* и *κοινόν*) акцент на первой у византийских комментаторов Аристотеля; само понятие «философии» переходило от полного слияния к эмансипации по отношению к понятию «теология» в зависимости от хода общественного развития, приведшего к формированию в Византии (раньше, чем в ренессансной Италии) христианского гуманизма как специфической формы мировосприятия. Если для К. Крумбаха «мертвый формализм» определял стереотипность риторики, то Г. Хунгер появление, например, «Эфопии» Киннама, тематику прогимнасм, расцвет энкомиастики при первых Комнинах и угасание при последних связывает с событиями повседневной жизни, актуальными требованиями текущего дня (интересами стабилизации режима, активизацией или ослаблением политической роли ипподрома и т. п.).

Эпистолография у Крумбаха целиком укладывалась в риторические принципы и рассматривалась в разделе «риторика» с акцентом на типичном и нормативном; для Хунгера важнее социальная функция византийских писем: они инструмент информации и коммуникации. Социальный круг того или иного византийского автора и его политические симпатии — неперемнная «визитная карточка» каждого рассматриваемого в книге историка. Для расширения средневековых географических знаний существенным моментом представляются исследователю миссионерство, паломничество к святым местам. Само увлечение филологическими штудиями в Византии не исчерпывается каким-то имманентным пристрастием к книжности: комментаторство и антикварные изыскания византийцев IV в. оцениваются как «бой отступления» язычества, отмечается и национально-политическое значение именно греческой филологии в условиях византийского полиэтнизма. Широкое распространение и популярность филологии и риторики в определенные периоды опре-

деляются не только эстетическими предпосылками — принимаются во внимание такие социальные факторы, как престижность науки, ее роль в карьере политиков и дипломатов. Крумбахер отмечал скудность литературы по военной теории (несмотря на отличную практику в Византии), не выходящей за рамки представлений древних; Хунгер, напротив, видит в Тактике Льва актуальную политическую значимость, а в сочинениях Константина Багрянородного — военнополитическую стратегию с учетом ситуации именно X в. Даже стилистические изменения (состав и структура проимона юридической литературы македонского периода) рассматриваются в связи с социально-политическими переменами.

Радикален пересмотр крумбахеровской оценки византийского романа. Там роман — дитя второй софистики, «риторика» в пейоративном смысле слова (в этом разделе и были помещены главы о романе); для Хунгера роман — «поэзия». Австрийский византист тонко подмечает следы эпохи создания романов — печать XII в. в самой ткани «Роданов и Досикла», «Дросиллы и Харикла»; он подчеркивает черты реализма и историзма в этих произведениях, имеющих самодовлеющее литературно-художественное значение, не поглощаемое античным субстратом жанра. Условиями византийской общественно-культурной жизни определяет автор и причины особого интереса византийцев к роману: исчезновение театра в средние века вызвало к жизни своеобразную форму драмы, «действия» для чтения.

Наиболее принципиальная сторона анализа Г. Хунгером византийской литературы — апелляция к категориям «массовой литературы», «широкого читателя» и другим понятиям социологии. Интерес австрийского византиста к наиболее характерным проявлениям массовых феноменов культуры, к потребностям «среднего» византийца составляет большинство работ ученого. Таким же образом важнейшим моментом в анализе предмета рецензируемой книги становится учет читательской аудитории, «социального заказа», конъюнктуры массового спроса «потребителя» византийской книжной культуры.

Так, особенности византийских хроник связываются с понятием *Trivialliteratur*, ориентирующей преимущественно на низкие слои общества. Вкусы *Trivialliteratur* определяют и популярность таких общих мест, как частые описания стихийных бедствий, знамений, примет, повышенное чувство сенсационности византийской литературы, доходящий до садизма (естественного в этом свете для христианского общества) натурализм описаний, обостренное любопытство к аксессуарам интимной жизни особ императорского двора, знати, негативные характеристики евнухов, осуждение богатства. Напротив, элитарность (и социальная и интеллектуальная) риторики обуславливает, с одной стороны, ее де-

конкретизованность (по принципу *sapientī sat*), архаизацию терминологии, этнонимии, и с другой — учет риториками запросов массы (выражающейся, в частности, в культивировании писателями авторской позиции «бедности»). Впрочем, Хунгер далек от упрощенного толкования анкламистики лишь как продажного ремесла; ее непрагматизм, ненаправленность на достижение узко утилитарных выгод по милости восхваляемого василевса не исключается практикой работы по заказу.

В связи с вопросом о читательской аудитории византийцев нельзя не отметить тему театра, лейтмотивом проходящую через двухтомник. В Византии, как известно, не было театра как общественно-культурного института. Тем показательнее подмечаемые Г. Хунгером в многочисленных произведениях самых разных жанров драматургические приемы, театральные термины, апелляция византийских литераторов к актерству, зрелищу, представлению. Публичное чтение письма, распространенное в Византии, называется эпистологами *θέατρον*. Исследователь пишет о драматизации действия в хрониках Аталлиата и Вриения, разбирает «историческую драму» и ее protagonists у Пселла и Никиты Хониата. Театр, вернее, его отсутствие, обусловленное, по Хунгеру, тенденциями его развития уже в поздней античности, определил специфические черты византийского стихотворного романа как драмы в стихах (действие романа обозначалось авторами как *δράμα*). Драма в Византии становится предметом чтения, комментирования, филологических экспериментов. Компенсацией отсутствия драматургии представляются широко распространенные в византийских риторических, полемических, исторических сочинениях, романах и сатире диалоги; тяга к зрелищам и представлениям удовлетворялась литургической драмой церковного богослужения и доведенной до совершенства режиссурой церемоний императорского дворца. «*Totus mundus ludit histrionem*» становится в византийских условиях не только меткой метафорой, но буквальным принципом самой жизни.

Итак, не столько античные гражданские и духовные ценности составляют пружину развития византийской культуры, сколько потребности самого средневекового общества, взаимодействие собственно византийских феноменов.

Средневековая культура греков сама обращалась к античному наследию как к эталону, классическому образцу. В связи с этим Г. Хунгер плодотворно разрабатывает концепцию подражания, «мимесиса», как важного фактора византийского мирозерцания. Таким образом, античность не поглощает собственно византийскую культуру, но является как бы точкой отталкивания, лишь в части, сопряченной эпохе средних веков (эта идея хорошо демонстрируется при анализе категорий *μίμῃσις*, *μῆτορ* в взаимоотношениях древнегреческой и византийской философии). Вместе с тем ряд

тенденций, связывавшихся у Крumbaхера с декадансом средневековья, теперь относится к позднеантичному периоду. Например, популярность византийской астрологической литературы обуславливается в рецензируемом издании тенденцией «ремифологизации» науки уже в поздней античности, когда, пройдя в классическую эпоху путь «от мифа к логосу», мысль то и дело возвращалась «от логоса к мифу».

Неоднократно Г. Хунгер и его соавторы прибегают и к целесообразным сопоставлениям с достижениями культуры латинского Запада и мусульманского Востока. Например, значение византийских медицинских трактатов во многом связывается с использованием опыта египетской и итальянских школ врачевания. Напротив, судьбы римского права в Византии и в Западной Римской империи наглядно предстают в контрастном противопоставлении.

Итак, литература тесно связывается в книге с социальными условиями Византии. Но и сами они представлены в развитии, а отсюда и литература не монотонная косная глыба похожих друг на друга описов, но живая картина своеобразных творений. Через все издание проведен принцип сравнения одного автора с другим, их взглядов, стилей и эмоциональной окраски сочинений. Для историописания, математической, астрологической и правовой литературы предлагается периодизация, чуждая Крumbaхеру. В большинстве разделов присутствует идея развития, движения характеризуемых жанров. Анализ П. Пилером византийской юриспруденции построен на основе раскрытия закономерностей эволюции как юридических памятников, так и самой государственной машины: ранневизантийский путь от «конституционной монархии» принципата к «абсолютной монархии» византийских василевсов, взаимовлияние тенденций классицизма и вульгаризации, последствия консолидации юридического образования при Юстиниане и стагнация в правоведении с концом юстиниановой династии, оживление в юридической литературе в конце VI в., классицизм македонского ренессанса, военизация права при Комнинах и т. д. — таковы отмечаемые моменты этого движения.

Нельзя не отметить такого важного принципа анализа у Г. Хунгера и его коллег, как систематическое применение литературно-эстетических критериев при характеристике произведений. Литературной традицией определяется идеализация образа адресата послания в эпистографии, отмечаются художественные достоинства сочинений Зосима, Пселла и Анны Комниной, Евстафия и Киннама, символизм, метафорика и эстетизм византийской экфразы, эмоциональное напряжение и живость чувства монодий. Исследователь не согласен с отрицающей оценкой византийских стихотворных центонов; в них он видит характерную черту византийского мировидения — известные цитаты в мо-

занке спеления создают эффект очуждения (*Verfremdung*) хорошо знакомого античного материала, что поражает в заданном византийцем контексте своей новизной. Описание болезней, столь популярное и специфичное для Византии, являет собой сплав литературных и профессионально медицинских «посылок». Специальная глава у Пилера посвящена проблеме «Правовая литература как художественная форма?»; анализируются как литературные стандарты эпохи в преамбулах документов, клише юридических формул, так и художественные и языковые достоинства, например, новелл Льва.

Обращение исследователей к категории литературного образа следует признать важнейшим принципом литературоведческого анализа. Так, рассматривается структура и развитие образа, его сложность, амбивалентность проявлений у Никиты Хониата; отмечается разрыв между декларируемым тезисом и образным описанием — прием, используемый Михайлом Пселлом. Неоднозначность художественного образа, неадекватность высказываемой характеристики литературной функции персонажа во всех сложных отношениях с изображаемой действительностью — явления, отличающие литературу самого высокого класса. Применительно к памятникам византийской литературы об этом и пишет Г. Хунгер.

Но если многие идеи, подчеркнута сопоставленные здесь вместе, свидетельствуют о пересмотре оценок прошлого века, то принцип организации материала в книге, система изложения по существу традиционны.

Издержки жанровой классификации очевидны. Анализ творчества одного писателя оказывается рассредоточенным по разным главам. Дело не только в том, что читатель не может получить сведения о данном авторе целиком (в конце концов для этого есть *Tusculum Lexicon*, многочисленные современные библиографии и справочники: один из них недавно выпустил В. Хэрэнднер¹). Такой принцип изложения истории литературы усвоен византинистикой от антиковедения, где тот или иной классический писатель нередко целиком «укладывается» в главу о соответствующем жанре. Но большинство византийских авторов «многожанровы» в своем творчестве. Исторические сочинения и письма, памятники красноречия и ученые комментарии (причем как в прозе, так и в стихах) — все это было различными сферами проявления авторского самосознания у Пселла и Никиты Хониата, Феодора Продрома и Евстафия, Цеца и Зонары. Недостатки же крумбахеровской

схемы членения византийской литературы проявляются в настоящей книге, когда речь идет о риторичности Никиты Хониата в его «Истории» (тут бы привлечь для сравнения его речи!) или о литературных достоинствах Евстафия Солунского (на материале «Взятия Солуни» без привлечения опять-таки риторических сочинений), о выдающемся месте в истории византийской литературы Михаила Пселла, творчество которого не исчерпывается, однако, «Хронографией». Практическая необходимость нарушать установленные с самого начала «правила» по ходу повествования позволяет Хунгеру включать в анализ историописания Никифора Григоры его теологические произведения, ибо их сопоставление помогает определить мировоззренческую позицию автора; в разделе о поэзии рассматривается и прозаический роман «Повесть об Исмине и Исминии»; не обходится без церковных песнопений в главе о музыке, хотя тематика книги не предусматривает охват религиозной литературы; наконец, научная и естественнонаучная литература включает сочинения и в стихах, и на «народном» языке. Все это закономерно. Строгое формальное разграничение предмета исследования, предписанное традициями прошлого столетия, не помогает, а препятствует постижению целого — литературного процесса, творчества авторов, создававших культуру.

Такая методика порождает и другое противоречие. Как сказано выше, византийская литература у Г. Хунгера и его соавторов рассматривается в тесной связи с социальными проблемами византийской культуры. Но самодовление жанровых форм, составивших при принятой системе работы структурные единицы анализа, как раз не позволяет увидеть художественную целостность произведений и их авторов в связи с развитием времени, не позволяет понять, как византийцы осмысливали свою действительность целостно — в художественных образах с помощью поэтического слова (в широком смысле). Тогда и описание особенностей словоупотребления и стиля, сопровождающее в книге характеристику большинства авторов, могло бы стать не просто каталогом грамматических и лексических гапаксов, а проникновением в область поэтики художественных средств, формирующих литературный образ средневековой литературы греков. В этом случае принципы *Trivialliteratur* предстали бы в более выигрышном свете, если бы они рассматривались в более тесном отношении к вопросам социальной психологии, этики и эстетики византийской цивилизации в их взаимосвязи. Ведь эсхатологизм, тяга к устойчивому канону и вневременному стереотипу при ощущении нестабильности сиюминутного, преходящности сегодняшнего — не только эстетические запросы средневекового читателя, но и отражение настроений, психологического состояния, устремлений общества. В рефренах Романа Сладкопевца, вероятно, можно

¹ *Hörandner W. Byzanz. — In: Historische Bücherkunde Südosteuropa. Bd. 1. Mittelalter, T. 1. Südosteuropäische Arbeiten, Bd. 76/1, München, 1978, S. 131—408.*

было бы увидеть не только словесную игру (о них интересно пишет С. С. Аверинцев). Небезусловно ограничение нормами Trivialliteratur ориентации на читательские вкусы у таких писателей, как Пселл и Никита Хониат. В данном случае скорее имеет место, как показал Я. Н. Любарский, обращение к своего рода интеллектуальной элите.

Для современного литературоведения свойственно и более пристальное внимание к пространственно-временной организации материала писателем в произ-

ведении. Очень важно было бы сравнить структуру хотя бы исторических сочинений у византийских писателей; одной констатации принципов изложения событий в той или иной хронике — «по годам» или «по царям» — уже недостаточно.

Наконец, при комплексном анализе историко-литературного процесса только убедительнее будет доказано положение о развитии, движении византийской литературы, ее самоликости и самостоятельной ценности. В конечном счете выигрывает принцип историзма.

М. В. Бибилов

Д. Овчаров, М. Ваклинова. Ранновизантийски памятници от България, IV—VII век. София, 1978. 74 с. + 147 илл.

Работа Д. Овчарова и М. Ваклиновой, посвященная анализу памятников, обнаруженных в процессе археологических раскопок на территории Болгарии, состоит из четырех глав: «Градоустройство и архитектура», «Мозаики и стенописи», «Каменная пластика», «Художественная обработка металла». Предлагаемый вниманию читателя материал характеризует городскую культуру, городские ремесла; поэтому раздел, посвященный градоустройству, так органически связан с общим содержанием книги. В этом разделе болгарские исследователи знакомят нас с изменениями, которые произошли в архитектуре города в IV—VII вв., отмечая при этом, что сильный отпечаток на развитие городов, прежде всего небольших по своим размерам, наложили социально-экономические изменения в данную эпоху. Существенное влияние оказали и непрекращающиеся варварские нашествия. Все это имело своим результатом то, что даже в таких крупных городах, как Сердика, Марцианополь, Филиппополь, Августа Трояна и другие, гораздо реже, чем в предшествующее время, ведется крупное строительство. Исключение составляет ремонт оборонительных стен, которые вызвали постоянные заботы византийской администрации. В принципах строительства оборонительных сооружений наряду с развитием античных традиций вырабатываются новые элементы, и это позволяет рассматривать период IV—VII вв. как переходный от античной к средневековой фортификации.

Планировка стен в большей мере, чем прежде, подчиняется условиям рельефа местности, что значительно увеличивает обороноспособность города. Отбрасывается классический прямоугольный план, характерный для римского поселения. Увеличивается количество башен и ворот, размещение которых целиком подчинено рельефу. Изменяется план башен — появляются пятиугольные и треугольные башни, более устойчивые против стенобитных орудий. Работы по улучшению фортификационных качеств городских стен приводят к появлению в V в. передней стены — протейхизмы. Указанные черты крепостного строительства характерны для всех изученных на

территории Болгарии городов: Сердики, Месемврии, Филиппополя и др.

Однако этот обобщающий вывод авторов вызывает возражение. Безусловно, в фортификации происходят значительные изменения, что блестяще доказал в своей диссертационной работе и ряде статей, посвященных крепостным сооружениям V—VII вв., Д. Овчаров. Но ни в одном из существовавших в предшествующее время городов (Сердика, Филиппополь) в рассматриваемый период не произошло кардинального изменения линии обороны. Более того, многие исследователи этой эпохи отмечают значительную роль в крепостном строительстве античных традиций¹.

Далее Овчаров и Ваклинова отмечают рост территории крупных городов за счет исчезновения небольших городских центров, — тезис, уже высказывавшийся в литературе относительно периода IV—VII вв.² Было бы чрезвычайно интересно подтвердить его наблюдениями, возникшими в ходе археологических исследований, тем более что число раскопанных или раскапываемых в настоящее время городских центров, существовавших на территории Болгарии в указанный период, значительно больше, чем в каком-либо другом районе. К сожалению, авторы не делают этого и ограничиваются лишь замечанием о том, что «ранневизантийский город в болгарских землях все еще слабо изучен и поэтому полная картина византийского градостроительства не может быть представлена» (с. 10).

Другой отличительной чертой рассматриваемого времени является, по мнению авторов, исчезновение монументальности города: исчезают форум, внушительные общественные постройки, широкие

¹ См.: Станчева М. Усвояването на античното наследство на Сердика от средновековния Средец. — Известия на Българско историческо дружество, 1974, 29; Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München, 1969, S. 22—38.

² Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1974.